

представительство национальной свободы; чтобы осуществить деспотизм в конституционных формах, как мы это видели в Пруссии и как мы еще долго будем видеть в Германии. Но она может оказать правительству эту услугу лишь постольку, поскольку это последнее сильно само по себе: она ничего не прибавляет к его силе, будучи сама сильна лишь властью, как бюрократия. Поэтому всякий раз, как вспыхивает революция, она исчезает, как тень.)

Точно так же обстоит дело и с другим столь важным вопросом об ограниченном или всеобщем избирательном праве. Логически – можно было бы требовать права выборов для всех взрослых граждан, и нет сомнения, что чем больше образование и довольство распространяется в массах (что, к счастью, для эксплуататоров никогда не сможет произойти, пока будет длиться правление привилегированных классов или вообще пока будут существовать государства), тем больше это право должно также распространяться. Но в практических вопросах, и особенно в тех, которые имеют целью хорошее правительство и процветание страны, соображение формального права должны уступить место общественному интересу.

Очевидно, что невежественные массы слишком легко подчиняются зловредному влиянию шарлатанов (как, например, влиянию священников и крупных собственников в деревнях и адвокатов и государственных чиновников в городах). Они не имеют никакой материальной возможности распознать характер, истинные мысли и действительные намерения индивидов (политиканов всех окрасок), которые предлагают себя для выборов; мысль и воля масс почти всегда суть мысль и воля тех, кто находит какой-либо интерес внушить им то или другое¹. С другой стороны, пролетариат, составляющий, однако, большую часть населения, не обладает ничем, ему нечего терять, он не имеет никакого интереса для соблюдения общественного порядка и, следовательно, не может избрать хороших депутатов. Он всегда предпочитает демагогов людям, стоящим за сохранение существующего. Чтобы быть действительным и серьезным, представительство страны должно быть верным выражением ее мысли и ее воли. Но эта мысль и эта воля осознаются лишь интеллигентными и владеющими классами страны, которые одни способны обдумать, охватить своей мыслью все интересы государства и одни живо интересуются поддержанием законов и общественного порядка. (Это совершенно справедливо, и никто не может сомневаться в политической способности буржуазного класса. Несомненно, что буржуазия знает гораздо лучше, чем пролетариат, чего она хочет и чего она должна желать, и это – по двум причинам: во-первых, потому, что она гораздо образованнее последнего, потому что она обладает большим досугом и гораздо большими средствами распознавания людей, которых она избирает; и во-вторых, это даже главнейшая причина – потому, что ее цели и стремления отнюдь не новы и не так бесконечно обширны, как цели пролетариата; напротив, они совершенно известны и вполне определены как историей, так и всеми условиями ее настоящего положения; эти цели сводятся к одному – удержанию ее политического и экономического господства. Это поставлено столь ясно, что очень легко знать и догадаться, который из кандидатов, ищущих избрания буржуазией, будет и который не будет способен хорошо служить ей. Следовательно, несомненно или почти несомненно, что буржуазия будет всегда представлена сообразно с самыми интимными желаниями ее сердца. Но что не менее несомненно, так это то, что это представительство, прекрасное с точки зрения буржуазии, будет отвратительно с точки зрения народных интересов. Так как буржуазные интересы абсолютно противоположны интересам рабочих масс, то несомненно, что буржуазный парламент никогда не сможет сделать ничего другого, кроме как узаконить рабство народа и вотировать все меры, которые будут иметь целью увековечить его нищету и его невежество. Нужно быть поистине очень наивным, чтобы верить, что буржуазный парламент сможет добровольно проводить

¹ Признаюсь, что я разделяю это мнение либеральных доктринеров, которое также является и мнением многих умеренных республиканцев. Я лишь делаю из него выводы, диаметрально противоположные тем, которые делают те и другие. Я заключаю о необходимости уничтожения Государства как учреждения, неизбежно угнетающего народ, даже когда оно основывается на всеобщем избирательном праве. Для меня ясно, что всеобщее избирательное право, столь проповедуемое г. Гамбеттой – и недаром, ибо г. Гамбетта – последний вдохновенный и верующий представитель адвокатской и буржуазной политики, – что всеобщее избирательное право, говорю я, есть одновременно самое широкое и самое утонченное проявление политического шарлатанизма Государства; опасное орудие, без сомнения, требующее большого искусства со стороны тех, кто им пользуется, но которое, если умеют хорошо им пользоваться, есть наивернейшее средство заставить массы принимать участие в созидании их собственной тюрьмы. Наполеон III основал все свое могущество на всеобщем избирательном праве, которое ни на минуту не обмануло его доверия. Бисмарк сделал его основой своей Кнута Германской империи. Я вернусь более основательно к этому вопросу, который составляет, по – моему, главный и решительный пункт, отделяющий социалистов революционеров не только от радикальных республиканцев, но и от всех школ доктринерных и авторитарных социалистов. – Прим. Бакунина.